

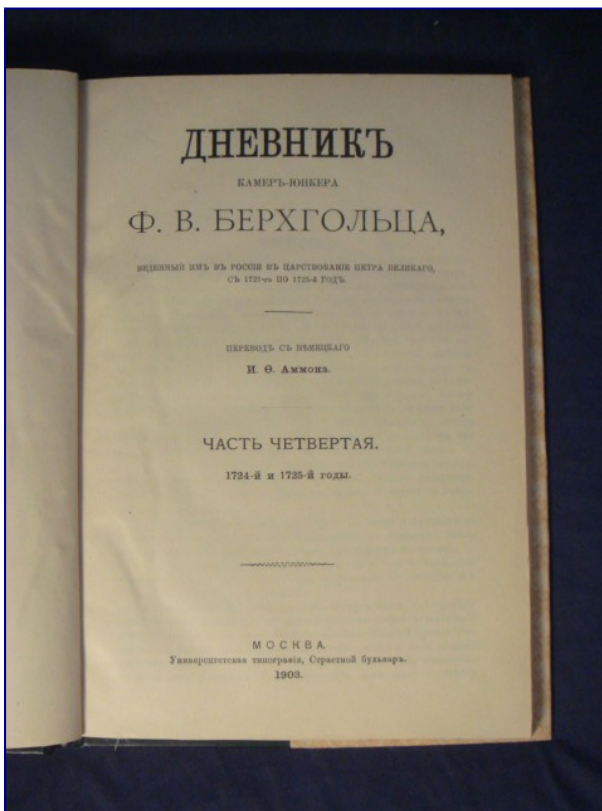

А.Ф. Крашенинников (1996)

История Стокгольмской коллекции русских чертежей или шпионаж против России, принесший ей пользу через 200 лет

Прорубив окно в Европу, Петр Великий дал возможность русским увидеть западный свет, а европейцам легко (а подчас и назойливо) заглядывать внутрь России. Уже через несколько лет после основания Санкт-Петербурга в новую столицу буквально хлынули различного рода иностранцы, которые стали налаживать деловые, коммерческие, политические связи, и одновременно внимательно изучать нашу гигантскую страну, внезапно так ярко проявившую себя. Многие из побывавших в Российской империи в те годы вели здесь по горячим следам записи, которые затем охотно читались в Европе и имели там устойчивый спрос на книжном рынке.

Хотя все эти труды предназначались, прежде всего, для западного читателя, они стали позднее ценными источниками для историков России. Среди многих путевых очерков, записок и отчетов одним из наиболее замечательных трудов этого плана считается "Дневник камер-юнкера Берггольца".

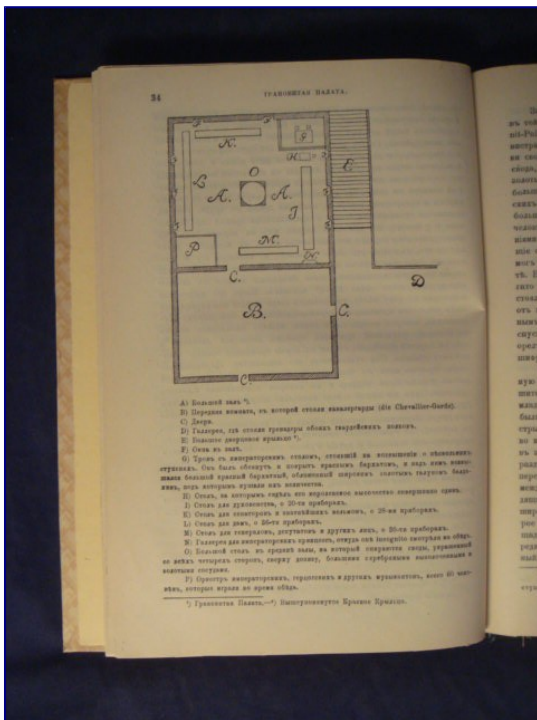

Его автор Фридрих Вильгельм фон Берггольц (Friedrich Wilhelm von Bergholz, 1699 - 1771) посетил нашу страну в 1721-1727 гг. в свите герцога Голштинского Карла-Фридриха и вел здесь очень подробные записи о всем, что встречал его сюзерен и сопровождавшие лица. Надо заметить, что молодой человек был не случайно назначен в эту свиту. Его отец, как многие немцы, поступил на военную службу к Петру I, получил звание генерала, участвовал в осаде Выборга (1710 г.) и Прутском походе 1711 г. Детство и юность молодого Берггольца прошли в России, он хорошо знал местные обычаи, русский язык и только после смерти отца в 1717 г. выехал в Голштинию, где затем поступил

па службу ко двору местного герцога. Вскоре возникла идея женитьбы голштинского герцога, на дочери русского императора. В свиту жениха попал и камер-юнкер Бергхольц. Дневник, который вел Бергхольц, был по сути внутренним протоколом жизни герцога в России. Но записи отличались такой живостью и наблюдательностью, что слава о дневнике разошлась довольно широко. Рукопись читали и копировали. Уже после смерти автора дневник был опубликован в 1785-1788 гг. сперва в журнале (1), а затем и издан отдельной книгой, которая вошла в золотой фонд россики, как ценное свидетельство дотошно наблюдательного современника. Ее постоянно цитировали и до сих пор продолжают приводить в работах по истории России петровского времени. Русский перевод этой книги был опубликован в середине XIX в. и затем многократно переиздавался (2).

Способности Бергхольца к острому и внимательному восприятию любых мелочей были тогда же замечены в соседней с Голштинией Швецией, только что бесславно закончившей с Россией долгую Северную войну. Швеция никак не собиралась мириться со своим поражением и готовилась к реваншу. Ей было важно собрать многообразную и точную информацию о своем враге. Для этого требовались наблюдательные люди. Записки Бсргхольца были внимательно изучены и автор их взят на заметку. Через некоторое время способный голштинец был, говоря современным языком, "завербован".

Тем временем герцог, с которым Бергхольц побывал в России, умер и на престол вступил его юный сын Карл Петер Ульрих, наполовину русский по матери и доводившийся в этой связи племянником императрице Елизавете Петровне. Она не имела прямых наследников и в качестве будущего преемника избрала своего полунемецкого племянника. Его вызвали в Петербург, перекрестили в православную веру и нарекли великим князем Петром Федоровичем. В небольшой спите наследника, вывезенной из Голштинии, оказался и Бергхольц, получивший придворный чин обер-камергера и исполнявший при князе скромную должность библиотекаря.

Хранитель книг был трудолюбив и усерден. В Петербурге у него появилось весьма своеобразное увлечение: страстная любовь к российской архитектуре. Он очень любил общаться с архитекторами, выпрашивал, выменивал или покупал у них чертежи. Если не получал подлинников, то добивался возможности снять с них копии, для чего имел специального помощника, перерисовавшего чертежи не очень красиво, но быстро и достаточно точно.

А в Петербурге в это время работали над проектом коренного преобразования столицы, в связи с чем делали новый план города. Все здания, расположенные на главных улицах, были вымерены во всех своих деталях, исполнены точные "обмерочные" чертежи.

Бсрхгольц с помощью своего помощника снимал их копии. Развив чрезвычайную энергию он за весьма короткое время собрал огромную коллекцию не только самых замечательных столичных зданий (частью даже авторских оригиналов, или повторений), но и полные развертки (то есть последовательные изображения фасадов) всех основных улиц северной столицы: 306 чертежей, на которых изображено 331 сооружение. Над изображением каждого дома он сам с немецкой аккуратностью и дотошностью подробно писал имя и звание владельца, наличие жильцов и всякие

другие данные, например количество солдат, находящихся в данном здании "на постое", указывал, где аптека, где трактир и подобные сведения, имевшие определенный смысл. Владей таким материалом, любая армия вторжения не испытывала бы никаких затруднений даже при захвате города ночью: имелся портрет каждого дома и описание, что в нем находится.

Кроме петербургских изображений Бергхольц собирал архитектурные чертежи, относящиеся к постройкам в других российских городах - Москве, Твери, Туле, Киеве, Митаве - столице вассального России Курляндского герцогства. В 1746 г. один из камердинеров наследника был арестован, а Бергхольца попросили выйти в отставку и вернуться в Голштинию. Впрочем, все было обставлено вполне rispetабельно и ему даже назначили пенсию в размере его жалования.

Бергхольц сумел сохранить тайну своей коллекции и благополучно вывез ее с собой почти в полном объеме. И Петербурге осталось лишь два десятка дубликатов, которые затем попали частью в коллекцию Эрмитажа. Отдельные рисунки из этих собраний были опубликованы И.Э. Грабарем в 1954 г. как работы "неизвестного любителя середины XVIII века" (3). До 1960-х годов никто и не догадывался, что это лишь остаток огромного собрания уникальных чертежей, собранных шустрим голштинцем.

Бергхольц поселился в Висмаре, немецком городе, принадлежавшем тогда Швеции, и эта страна стала негласно выплачивать ему очень солидную пенсию. Коллекция собранных им чертежей оказалась в шведском королевском архиве, где хранилась в чрезвычайной тайне. Швеция долго надеялась начать войну и победить Россию. Наконец в 1788 г. она напала на нашу страну, но шведский флот потерпел сокрушительное поражение у Готланда и не смог добраться до Петербурга. Ценнейший материал, собранный Бергхольцем в середине XVIII столетия, остался неиспользованным по прямому назначению.

Прошло 200 лет. После окончания второй мировой войны Швеция искала пути улучшения отношений с Советским Союзом. Кто то вспомнил о секретной коллекции, которая могла помочь русским в восстановлении Ленинграда, так сильно пострадавшего от фашистов. Советскому посольству в Швеции было сделано соответствующее предложение. Речь шла об эквивалентном обмене. Наш советник по культуре решил, что сделка не выгодна и отказался от нее. Коллекция осталась в Швеции, но с нее сняли покров секретности и передали Национальному музею Стокгольма в составе так называемой "Тессин - Хорлеманской коллекции" (4). Несколько позже на нее обратил внимание шведский ученый Бьерн Генрик Халльстрем (Bjoern Henrik Hallstroem), оценивший коллекцию, как уникальное свидетельство архитектурного облика Петербурга 1740-х годов и исследовавший ее в течение ряда лет. В 1960 г. он опубликовал статью "Русские архитектурные рисунки в Национальном музее Стокгольма" (5). Сличив пояснительные надписи на чертежах коллекции с подлинными письмами Бергхольца Халльстрем пришел к выводу, что все чертежи были собраны именно этим голштинцем, который собственноручно прокоммент провал каждый чертеж. Несколько позднее Халльстрем подробно рассказал о коллекции Бергхольца в особой книге (6).

В России почти не осталось подобных материалов, документально точно свидетельствующих об архитектуре того времени. Когда в начале 1960-х годов, усилиями того же Халльстрема, часть коллекции Бергхольца - относящаяся к Петербургу и его окрестностям, была показана в Ленинграде, эта выставка была расценена историками архитектуры и реставраторами как сенсация. Она значительно изменила наши взгляды на первоначальный облик Петербурга, который оказался гораздо богаче и разнообразнее по своему архитектурному облику. Знакомство с коллекцией существенно помогло также при изучении истории и восстановлении многих памятников архитектуры. Так шпионские наработки, собранные в 1740-х годах с целью поражения России, через два с лишним столетия стали ценным материалом для воссоздания правдивой информации о русском зодчестве первой половины XVIII века и для реставрации ряда зданий, воздвигнутых в те годы.

=====

Примечания:

- (1) Bueschinngs Magasin fuer die neue Historie und Geographie. ТТ. 19-22, Halle, 1785-1788.
- (2) Дневник камер-юнкера Бергхольца в переводе И.Аммана издан в четырех томах в 1857-1860 гг., а затем дважды переиздавался.
- (3) Русская архитектура первой половины XVIII века. Материалы и исследования. - М., 1954. - С. 104 - 106, 190, 191.
- (4) Название коллекции - но имени крупного военного деятеля, государственного маршала Швеции К.Г.Тессина (1695-1770), к которому, как выявил Халльстрем, Бергхольц обращался в 1749 г. с просьбой о пособии, после чего и получил 1000 экю "за оказанные Швеции услуги". Hallstroem B.H. Ryska byggnadsritningar i Nationalmuseum, Nagra tidiga av Bartholomeo Rastrelli, Konsthistorik Tidskrift. 1960. I-II, s. 34.
- (5) Hallstroem B.H. Цит. соч., стр. 20-34 На с.20 помещена репродукция портрета Ф.В.Бергхольца с крупными чертами лица и хитрыми, иронически глядящими глазами.
- (6) Hallstroem B.H. Russian Architectural Drawing in the Nationalmuseum, Stockholm, 1963.